

го майна України, Державного комітету статистики України від 23 березня 2005 р. № 623/79 // Офіційний вісник України. — 2005. — № 19. — Ст. 1005. — (Станом на 28 березня 2006 р.).

10. Про затвердження Класифікатора державного майна : Наказ Фонду державного майна України від 15 березня 2006 р. № 461 [Електронний ресурс] / Офіційний інформаційний сервер Фонду державного майна України. — Режим доступу : http://www.spfu.gov.ua/ukr/documents.php?direct_st_id=13. — (Станом на 10 травня 2007 р.).

11. О совершенствовании учета федерального имущества : Постановление Правительства Российской Федерации от 16 июля 2007 г. № 447 [Электронный ресурс] / Официальный сайт правительства Российской Федерации. — Режим доступа : <http://government.consultant.ru/>.

12. Інформація щодо проведення інвентаризації юридичних осіб державної форми власності та стан наповнення Єдиного реєстру об'єктів державної влас-

ності станом на 14 жовтня 2010 р. [Електронний ресурс] / Офіційний інформаційний сервер Фонду державного майна України. — Режим доступу : http://www.spfu.gov.ua/ukr/reg_view.php.

13. Інформація щодо кількості суб'єктів господарювання державного сектора економіки у розрізі суб'єктів управління за станом на 1 липня 2010 року [Електронний ресурс] / Офіційний інформаційний сервер Фонду державного майна України. — Режим доступу : http://www.spfu.gov.ua/ukr/sub_gosp.php.

14. Інформація про юридичні особи, які за результатами інвентаризації «не визнані» органами управління та по яких упорядковано облік (за результатами роботи Комісії) за станом на 1 серпня 2008 р. [Електронний ресурс] / Офіційний інформаційний сервер Фонду державного майна України. — Режим доступу : http://www.spfu.gov.ua/ukr/reports/Komisii_01_08_2008_graf.pdf.

Надійшла до редакції 18.01.2011 р.

УДК 346.1

О. А. Воловик,

*канд. юрид. наук,
доцент,*

*Восточноукраинский национальный
университет им. В. Даля,
г. Луганск*

ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ПОВЕДЕНИЯ: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС

*Человек всегда был и будет самым
любопытнейшим явлением для человека...*

В. Г. Белинский

Поведение в сфере хозяйствования или хозяйственное (экономическое) поведение (*объект исследования*) является традиционным предметом интересов не только правовой науки, но и экономики, социологии и др. Каждая из них исследует определенный ракурс данного явления, заданный естественным академическим интересом. Экономика ориентирована на товарно-денежные отношения, где все имеет свою цену, продается и покупается с прицелом получения выгоды. Юриспруденция озадачена тем, чтобы поместить эти отношения в законные рамки, соответствующие экономической «картине мира»,

причем сделать это так, чтобы установленные правила поведения соответствовали уровню развития цивилизации и задачам конкретного государства. Социологию интересует обратная связь, как общество своими поведенческими реакциями откликается на экономико-правовую политику и реальность, насколько они далеки друг от друга, как это отражается на уровне общественного доверия и т. п.

Однако если отбросить все элементы научной условности, связанные с обособлением предмета исследований, узко-научным теоретизированием и прочими субъективными факторами, то нельзя не

© О. А. Воловик, 2011

заметить, что за толщей понятий и институтов, теорий и систем скрывается одновременно предельно изученный и не изведанный, субъект (объект) и в то же время явление, имя которому — Человек. Его переменчивость и вариативность поведения, проявляющиеся в зависимости от исторических, социально-экономических реалий, культуры, религии, психологии и прочих факторов, за каждым из которых разворачивается своя маленькая вселенная, предполагающая бесконечность, делают тщетными попытки одной, отдельно взятой науки, своими силами это поведение объяснить или обуздать. Еще более сложная задача — мотивировать человеческое поведение. Причем сделать это в расчете на такие глубинные смыслы, чтобы ожидаемое поведение было искренним, естественным, желанным, добровольным. Что может предложить экономист? Экономические стимулы, практическую выгоду. Что может предложить право? Угрозу наказания. Вроде бы все логично, у каждого своя специализация. Образно говоря, применительно к медицине, проблемы с суставами лечит ортопед, с кожей — дерматолог, со зрением — окулист. И это срабатывает во всех случаях, когда недомогание носит локальный, острый характер. Если же природа недуга до конца не изучена, не очевидна, в медицине существует такое понятие, как психосоматические заболевания, которые объясняют следствие на уровне физического тела (соматика) через причину неизведанной вселенной «психо» (душа). Так, к примеру, у одного человека мимический тик может быть вызван переживаниями, связанными с личной жизнью. У другого причина того же симптома кроется в обеспокоенности своей маргинальностью, неспособности вписаться в социум и т. п. А это погранично не только для психологии, но и для социологии. Очевидно, что устранить причины этого медицина не в силах. Именно поэтому в новейших ее направлениях актуализировалась тема нетрадиционных подходов к лечению, ориентированных не на следствие, а на причину недуга, в частности, на коррекцию, восстановление душевного, духовного статуса.

Где же проходит водораздел между внешней оболочкой и содержимым? Есть ли он? Почему узкая специализация так же важна, как и знание предмета в целом? Ответ обнаруживается в подходе к предмету, которым, напомним, является Человек. Многие общественные науки, по примеру традиционной медицины, для удобства и «чистоты» исследований «расчленили» человека на отдельные функции, проявляющиеся в разных сферах деятельности. В сфере экономики человек преследует выгоду, зарабатывает, благодаря своей преимущественно экономической природе (по мнению экономистов). В правовой сфере человек вступает в правоотноше-

ния или совершает правонарушения, за что наступают правовые последствия. И так далее. Все действия человека, если смотреть на них в бинокли различных наук, очень функциональны: цель — действие, предопределенное целью.

Человек функционирующий — такой признак можно отметить у современного предмета отраслевых исследований, включая общественные науки. Самое парадоксальное, что наукам удалось убедить многих в правильности такого подхода. Модель «экономического человека» (А. Смит) жива до сих пор, и одинокие попытки ее развенчать пока выглядят как москитный лай на слона. Многие правоведы, сменившие марксовскую формулировку права как возведенной в степень закона воли господствующего класса на современную систему нормативных установлений социально-ориентированного государства с рыночной экономикой, по большому счету, не перестали воспринимать его так же, как и большинство экономистов экономику, — некую автономную действительность, функционирующую по своим определенным законам. Хотя, впрочем, не отрицается, что право и экономика — пересекающиеся сферы.

Сначала специалист в области права познает научную материю, овладевает инструментарием, очаровывается логикой, системностью; а потом становится их же заложником, смотрит на происходящее вокруг сквозь призму своей научной принадлежности, достаточно узкого профиля в сравнении с накопленным человечеством знаниями в целом, новейшим эмпирическим опытом. Иначе говоря, научная специализация иногда превращается в некий штамп, прокрустово ложе со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Отечественная хозяйственно-правовая наука представляет собой весьма интересную «тремучую смесь». С одной стороны, она тревожится онтологическими противоречиями (например, спор с цивилистикой об автономии и предмете), экзистенциальными дилеммами (например, примат частного или публичного начала). С другой стороны, призванная обслуживать сферу хозяйствования, данная область знаний неизбежно оказывается под влиянием экономической науки, хотя, по большому счету, в ходе проведения экономических преобразований праву (в чистом виде) отводится преимущественно описательная роль. При этом примечательно, что, будучи зачастую лишь проводником экономических и других реформ, право не на шутку задается вопросом о своей эффективности, подразумевая при этом содержательную сторону. При этом последняя, как правило, выходит за пределы традиционных компетенций права как формы и средства организации общественной жизни. Поэтому ответы на вопросы об эффективности права типа «почему не по-

лучилось?» или «почему получилось, но не так?» могут дать совершенно другие общественные науки, и то, зачастую, только в своей совокупности.

Ввиду предполагаемой научной обособленности и самодостаточности складывается ситуация, когда вопросом «что делать?» задается одна наука, хотя ответ (рецепт), исходя из своих компетенций, она дать в принципе не может. Самое интересное, что аналогичным вопросом задаются и другие науки, и им так же не хватает собственного знания. Ответ очевиден — *нужно стремиться не к расширению научных компетенций, а к усилению глубины их достоверности, истинности, что может быть обеспечено качеством разностороннего эмпирического материала, глубины междисциплинарных исследований.*

Возвращаясь к проблематике хозяйственного поведения в ракурсе хозяйственно-правовой науки, следует отметить, что в центре ее глубинного внимания также находится Человек, будь-то под оболочкой «субъекта хозяйствования», со свойствами юридического лица или без таковых. Человек как обладатель разума, чувств, эмоций, носитель воли, сорежиссёр хозяйственной жизни реальных и условно-реальных субъектов.

Хозяйственно-правовая наука имеет целью влиять на хозяйственное поведение субъектов хозяйствования и других участников отношений в данной сфере, которое является проекцией хозяйственного мышления Человека. Каким образом это возможно (*предмет исследования*)? Традиционно за счет регулятивных норм можно предложить некий эталон, упорядочить хаотичное движение, создать единые правила игры, т. е. привести хозяйственную жизнь к какому-то порядку. За счет норм охранительных (запретов, ограничений, санкций) можно заставить (убедить) воздержаться от негативного поведения (правонарушений) в хозяйственной деятельности под страхом наступления наказания. С этими задачами право, в принципе, справляется, поскольку и первое, и второе, как говорится, дело техники (законодательной).

Но когда страх наказания (даже весьма сурового) перестает быть сдерживающим фактором для негативного поведения, устойчивое позитивное поведение в хозяйственной сфере рассматривается как моветон, а негативное — как некая норма, обычный предпринимательский риск, правоведа задаются вопросом о пресловутой эффективности, который право не в состоянии реально решить, кроме как средствами ужесточения наказаний.

Что мы сегодня имеем? Как отмечается в Национальном докладе НАН Украины «Новый курс: реформы в Украине 2010–2015» (далее — Национальный доклад): углубление *пропасти* между целью и результатами государственных усилий; *моральный, культурный, интеллектуальный, управленческий упадок*

и *деградацию* правящего и предпринимательского классов, *демонстративное, циничное игнорирование ними правовых и моральных норм и требований общества* (здесь и далее курсив авт. — О. В.) [1, с. 7–8]. Данную проблему, ставшую тенденциозной, кричащей для Украины, предлагается решать путем преодоления разбалансированности и противоречивости правовой системы, правового нигилизма, ставшего нормой деятельности властных структур, субъектов хозяйствования и граждан, а в целом решения неотложной задачи — восстановления основ законности и правопорядка [1, с. 15]. Такие наблюдения и выводы не оспариваются, равно как и не удивляют своей новизной.

Однако далее в Национальном докладе, в укрупненном плане первоочередных задач, на которых необходимо сконцентрировать усилия власти и общества, можно встретить и такие: *преодоление недоверия, эмоционально-психологическая мобилизация граждан, объединение общества вокруг общей цели — собственной модернизации; создание в массовом сознании убедительного, привлекательного и вдохновляющего образа будущей Украины* [1, с. 17]. Высоко? Весьма. Как это соотносится с правопорядком? Самым непосредственным образом. Однако очевидно, что такой правопорядок не может быть механистическим, «сжово-рукавичным», держущимся только на средствах ужесточения наказаний.

Таким образом, между строк «дорожной карты» сегодняшней Украины (так окрестили Национальный доклад) читается «старый новый» вопрос: как же побудить Человека, нашего современника, к позитивному (хозяйственному, правовому) поведению не за счет посеянного страха наказания, а ввиду пробужденной личностной потребности в таком поведении, обусловленной образом мысли (ценностными установками), правовым сознанием (*постановочная цель исследования*)? Утопия? Сверхзадача? Как сделать это в сфере хозяйственной деятельности, где, по мнению ортодоксальных экономистов, функционирует *homo oeconomicus* с известными параметрами и последствиями такого действия? Как это возможно в условиях современной Украины — страны с так называемой транзитивной экономикой, теневая часть которой превращает все мыслимые пределы?

Ответы на эти вопросы, окажутся ли они утвердительными или отрицательными, не могут быть односложными по одной простой причине — в их основе находится Человек, меняющийся и изменчивый, ведущий и ведомый, заблуждающийся и просветленный, изученный и неизученный. Несмотря на неизбежные условия неопределенности, в которых существует окружающий мир, правовая наука должна стремиться понять природу и значение этих изменений в Человеке, их мотивы и условия, чтобы с большой достоверностью определять — что есть

норма в хозяйственном поведении, а что — отклонение? Как и при каких условиях позитивное правовое сознание (мышление) может стать *органичным* элементом личности Человека, детерминантом его поведения в хозяйственной сфере? С учетом обстоятельств места, времени, условий и т. п.?

Антропологический вектор в современных правовых исследованиях становится все более актуальным [2, 3]. И если традиционно к вопросам природы человека более других обращались правовые науки криминального цикла [4], то сегодня круг интересующихся все более возрастает. В числе причин: повсеместная утрата правом своего ценностного значения, органичности, перерастание в официоз, массовое «законничество», зачастую малоэффективное для того, чтобы считать его действенным регулятором. Но причина находится не в ущербности правовых средств, а в недостаточности угла правового зрения. И одна из составляющих этого дефицита — человеческий ракурс.

Право должно быть не только формой, проводником, ретранслятором, но и фильмом, мериллом различных инициатив, возводящихся государством в степень Закона, всеобщей нормы. Только тогда праву можно компетентно и ответственно рефлексировать по поводу своей эффективности. А поскольку адресатом любого законодательного воздействия является Человек, то сфера научных интересов правовой науки должна быть расширена до уровня знаний о Человеке: источников его представлений о стереотипах хозяйственного поведения, нравственных оценок хозяйственных целей и ценностей, экономических чувств, эмоций и т. п.

Хозяйственно-правовая наука нуждается в таких познаниях и их корреляции с научной доктриной, поскольку ранее этому не придавалось существенного значения, а цели правового воздействия традиционно сосредоточены на высоком и важном уровне: общественного хозяйственного порядка, экономического роста, модернизации и прочих высоких задач, по большому счету, оторванных от их источника, первопричины. Хотя антропологический (включая психологический) ракурс в исследованиях хозяйственного поведения — уникальный эмпирический материал. Например, исследования экономического чувства собственности убедительно обосновывают не только целесообразность, но и естественность правовой формы коллективной собственности, которая является предметом известной дискуссии в науке [5].

В недавнем исследовании по теории права российским ученым С. А. Жинкиным предложено ввести в научный оборот понятие антропологической адекватности норм законодательства, под которой понимается соответствие норм законодательства основополагающим качествам и потребностям че-

ловека, его сущностным характеристикам [6]. Очевидно, что последние должны стать предметом исследований отраслевых юридических наук, каждая из которых способна сфокусировать внимание на особенностях проявления природы человека в определенной сфере общественных отношений, требующей урегулирования правом.

Рационализм правовой науки, включая ее хозяйственную отрасль, отнюдь не является недостатком, но в то же время может вести к чрезмерной догматичности ввиду преобладания «сухих» научных подходов типа целесообразности, и, соответственно, недостатка органической, естественной, эмпирической подоплёки. Современные правоведы не особо привыкли смотреть в глаза своему современнику, носителю определенной хозяйственной ментальности, традиционных и уникальных национальных, культурных, личностных особенностей, в своей совокупности формирующих ту или иную модель, культуру хозяйственного поведения в данной стране, в конкретный период исторического развития. Это обычно делают представители социологии, психологии, философии и т. п. Но совпадают ли адресаты их научного интереса с направлениями правового воздействия? Какова скорость научного обмена? Смею предположить, что в естественных науках она гораздо выше, поскольку научное открытие в области химии объективно не может быть проигнорировано фармакологией. Что касается гуманитарного знания — оно имеет меньшую степень провицианности в «тела» других автономных общественных наук как ввиду иммунитета последних, обеспеченного научными фильтрами «высокой степени очистки», так и специфики самих гуманитарных «открытий» типа экономических теорий, социологических тенденций и т. п., являющихся не законами природы, а лишь условными «закономерностями» общественного развития и др. Просачивание не родного общественно-научного знания идет достаточно медленно, и ускорить этот процесс можно путем проявления целенаправленного академического интереса. Именно по этой причине тщетно преобразовывать определенную область общественных отношений усилиями правовой науки без глубинного понимания большинства её составляющих, представление о которых можно почерпнуть из других общественных наук. В противном случае можно лишь продолжать наблюдать упомянутое выше «углубление пропасти между целью и результатами государственных усилий», ситуацию, выраженную в известном «хотели как лучше...».

Выводы. Современный Человек, а именно его ценности, устремления, чувства, эмоции, стереотипы и особенности поведения в хозяйственной деятельности должны стать предметом междисциплинар-

них правових досліджень. Яким способом можна на них впливати, коли і в якій ступені слід на них розраховувати — аспекти, здатні надати переконливості або похитати встоялися правові інститути і традиційні підходи.

Література

1. Новий курс : реформи в Україні 2010—2015. Національна доповідь / за заг. ред. В. М. Гейця [та ін.]. — К. : НВЦ НБУВ, 2010. — 232 с.
2. Бачинин В. А. Антропосоціологічні проблеми права: методологія і емпірія / В. А. Бачинин // Правознавство. — 2001. — № 3. — С. 36—39.
3. Саїдов А. Х. О предметі антропології права / А. Х. Саїдов // Державство і право. — 2004. — № 2. — С. 63—67.

4. Кондратюк Л. В. Антропологія правопорушення (мікрокримінологія) / Л. В. Кондратюк. — М. : Норма, 2001. — 344 с.

5. Веленто І. І. Особливості правового регулювання державної і приватної власності. Обмежені речові права / І. І. Веленто, В. С. Елісєєв // Теорія економічного права. — Гродно : ГрГУ, 2004. — С. 238—243.

6. Жинкін С. А. Ефективність права: антропологічне і ціннісне вимірювання : автореф. дис. на соискання наук. ступеня д-ра юрид. наук : спец. 12.00.01 «Теорія і історія права і держави; історія вчення про право і державу» / С. А. Жинкін. — Краснодар, 2009. — С. 33.

Поступила в редакцію 16.02.2011 г.

УДК 347.471.8:341.96

П. В. Нестеренко,

*канд. юрид. наук,
доцент,*

*Харківський гуманітарний університет
«Народна українська академія»*

ПОРІВНЯЛЬНИЙ АНАЛІЗ УКРАЇНСЬКОГО ТА ЄВРОПЕЙСЬКОГО ЗАКОНОДАВСТВА ПРО УСТАНОВИ

Українське законодавство про юридичні особи зазнає перманентних змін і одним із головних напрямів його реформування є гармонізація національного законодавства із законодавством Європейського Союзу (далі — ЄС). Проте розпорядження Кабінету Міністрів України (далі — КМУ) від 9 червня 2010 р. № 1196-р, яким було затверджено «План заходів щодо виконання у 2010 р. Загальнодержавної програми адаптації законодавства України до законодавства Європейського Союзу», і вказані пріоритетні сфери, в яких в першу чергу має здійснюватись вищезазначена адаптація, оминуло увагою законодавчі акти, які регулюють правовий статус і особливості діяльності невідприємницьких юридичних осіб.

Не дивлячись на те, що питання правового статусу, класифікації та особливостей господарської діяльності невідприємницьких юридичних осіб, зокрема установ, вже довгий час є предметом наукового дослідження як цивілістів, так і представників школи господарського права, «щодо суті та змісту цього поняття продовжують тривати супереч-

ки та дискусії, які так і не отримали свого логічного завершення в одній науковій точці зору» [1, с. 314] й у законодавстві також, що негативно впливає на практику застосування норм про установи.

Проблема правового регулювання діяльності установ та їх правового статусу розроблялася наступними вченими: Є. Булатовим [2], І. Жигалкіним [3], Д. Лещенко [4]. Також певного висвітлення у цивілістичній літературі набули проблеми діяльності окремих видів (типів) установ і невідприємницьких товариств, зокрема у працях Г. Єригіної [5], М. Тіхонової [6], В. Чепурнова [7]. Та побіжно питання правового статусу, порядок створення та інші питання розглядалися в роботах В. Кравчука [8], І. Кучеренко [9], П. Черевка [10]. При цьому жодна з робіт не стосувалася більш менш ґрунтовного порівняльного аналізу європейського досвіду регулювання установ (foundations).

Отже, мета статті — проаналізувати досвід регулювання правового статусу та діяльності установ у країнах ЄС і виявити можливі шляхи удоскона-

© П. В. Нестеренко, 2011